

Сергей Глазков

БАБА ЯГА ПРОТИВ АГЕНТА 00

Новогодняя сказка
для детей и взрослых

12+

Сергей Алексеевич Глазков

Баба Яга против Агента 00

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43645338

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-09428-4

Аннотация

Веселая новогодняя сказка с некоторыми сказочными предсказаниями, которые могут произойти. Оказывается, герои русских сказок живут среди нас. Соловей-разбойник освобождается из зоны; баба Яга работает в школе; Леший – лесничим; Водяной – директором завода шампанских вин; Кикимора и Домовой – звезды шоу-бизнеса, а Кощей Бессмертный руководит платной клиникой. Перед Новым годом в Санкт-Петербурге на саммит соберутся члены большой восьмерки. По наущению западных спонсоров Кощей собирает всех, чтобы провести террористическую акцию, которая приведёт к новому витку холодной войны.

Содержание

Часть первая

5

Конец ознакомительного фрагмента.

47

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик...

– Соловьёв! С вещами на выход! – гулко, как выстрел, прозвучало в длинном пустом коридоре.

Залязгали, заскрежетали замки и засовы.

Часть первая

1

Магадан. ИТК-13

Неприятно застонали двери, выпустив на яркий, залитый холодным зимним солнцем свободный пятак, хрупкого трясущегося старикашку, опирающегося на деревянную палку, приспособленную под костыль.

Старикашка поворотил вокруг себя головой, шевеля губами, медленно по слогам прочел вывеску, оставшуюся за его спиной: «Магаданское управление МВД Рошшии, Ишправительная колония номер тринадцать».

– В следующий раз, Соловьёв, постарайся к нам не залетать, – услышал он напоследок из-за закрывающейся со стоном двери, – Восьмой десяток на исходе, а туда же: в разбойники! Пора за ум браться! А то, не ровен час, к господу Богу призовут, так, кроме нар и вспомнить ничего не сможешь!

– Вот жубы вштавлю, шинок, и вожмушь жа него. Жа ум жначит. Шлово даю. Шешное пионершкое! Вы обо мне вше тогда ушлышите, жа шотню вёрст отшюда, – ответил трясущийся от немоги старикашка. Поклонился закрытой двери в пояс по-старинке и неуверенной шаркающей походкой, скользя по расчищенной от снега дорожке, поплёлся прочь.

Палка-костыль была меньше необходимого, поэтому ему

приходилось передвигаться ещё и согнувшись в три погребели. Отойдя метров этак тридцать от дверей, старикашка вдруг разогнулся, выровнялся, отбросил в сторону палку, лихо раскрутил над головой худую котомку, которую до этого любовно прижимал к груди, и зашвырнул подальше в кусты. Потянулся по-молодецки.

– Эх, хорошо, ети его мать! Крашота неописуемая! Живи и радуйся.

Размял беззубый рот, вставил в него кривые пальцы и попытался свистнуть. Вместо свиста получилось тихое булькающее шипение. Он в сердцах плюнул и бодро зашагал по дорожке.

2

Примораживало. Он ускорил ход и теперь шёл всё быстрее и быстрее. У посёлка его нагнала машина. Серенький неприметный «Жигулёнок». Они ещё немного посоревновались: кто кого обгонит? Дед или машина на скользкой ледяной дорожке?

– Соловьёв? – высунулся из открытого окошка водила, когда ему надоели гонки, – дородный дедина, похожий на одного молодца из ларца в известной сказке.

– Шоловьёв, – остановился старикашка, – а тебе какое дело?

– Тебе просили передать: «Пора!»

На что старикашка засиял, хлопнул в ладоши и подскочил

к машине:

– Ну, тогда вперёд, шоколик!

Он с подскоком и притопом оббежал машину вокруг, открыл дверцу и уместился рядышком с шофером.

– Шего штоим, шлуживый? Трогай! Наш ждут великие шобытия!

Со стариком разобрались! Начнём сначала. В некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик со старухой...

3

Великий Новгород. Школа №32

– Акулина Ивановна! Акулина Ивановна, – во всё горло орала девочка, пробегая по длинному школьному коридору, – вас Мариванна к себе вызывает!

Акулина Ивановна прекратила мыть полы и, повернувшись навстречу мчащейся посыльной, облокотилась на швабру:

– Что случилось, Катенька? Чего ты заливаешься, словно звоночек? Так громко, что все подумают, будто урок закончился.

– Так Мариванна сказала: «Быстро!», – нахмурилась девочка и уткнулась взглядом в носки своих зимних меховых ботиночек.

– «Быстро», но не «громко», – поучительно сказала Аку-

лина Ивановна, – Что случилось? Наводнение? Землетрясение?

– Нет, Акулина Ивановна, – снова заорала девочка, – вам телеграмма. Срочная. Из самого Санкт-Петербурга – сказала Мариванна.

– Странно, почему сюда? Почему не домой? Да и от кого это? У меня никого в Петербурге знакомых нет. А, может, это от... – задумалась Акулина Ивановна и тяжело вздохнула, а уже девочке сказала, – спасибо, Катюша, я сейчас приду.

Она, не спеша, собрала все свои подручные инструменты: тряпку, ведро и швабру, прошла к своей кладовке, аккуратно поставила всё внутрь, закрыла дверь, замкнув на замок, и только после того, как определила в карман ключик от замка, направилась к директору школы.

4

Кабинет последней находился на первом этаже, поэтому далеко идти не пришлось: сначала по одному коридору, потом – по второму.

– Разрешите, Мария Ивановна? – Заглянула она в кабинет.

– Входите, – сразу же замахала директриса руками. – Акулина Ивановна, тут вам срочную телеграмму принесли. Я попыталась узнать: почему в школу, а не домой? Почему в приёмную, а не лично вам? Может, что-то неприятное в ней, а я не хочу, чтобы мои работники душевно травмировались

на рабочем месте, да ещё в присутствии детей. Это может огорчить весь наш большой дружный коллектив. Но посыльный – очень странный человек, как я успела заметить, – меня успокоил. Сказал, что вы скорее обрадуетесь, чем огорчитесь. Я, конечно, прошу у вас прощения, но я не поверила ему и прочла, что написано в телеграмме. Доверяй, но проверяй. Да! Мне очень неудобно, но другого выхода у меня не было. Извините, – и она протянула бумажку, – может, я ничего не понимаю в этой жизни, но текст телеграммы очень странный, я бы даже сказала: подозрительный, Акулина Ивановна.

Она замолчала и уставилась на уборщицу, стараясь хотя бы по реакции той понять смысл депеши.

Акулина Ивановна развернула листочек и прочла: «Пора!». Листочек выпал из её рук и, покружившись в воздухе, сделав пару пируэтов, приземлился к ногам директрисы. Акулина Ивановна помрачнела и присела на стул, стоящий рядом со столом.

– Я так и знала, что эта телеграмма ничего хорошего не принесёт, – сказала перепуганная директриса и присела рядом с Акулиной Ивановной.

И со старухой тоже разобрались! Правда, не совсем они старик со старухой, но об этом попозже. В некотором царстве, в некотором государстве...

Париж. Пятизвёздочный отель «Бастилия».

О! Куда нас занесло!

Длиннющий лимузин, лихо, перестроившись с третьего ряда в первый, резко притормозил у входа отеля, светящегося всеми мыслимыми и не мыслимыми цветами назойливой рекламы.

Из передней двери браво выскочил молодой человек в форме, открыл дверцу авто и почтительно поклонился. Из огромного чрева элитного автомобиля сначала вывалился средних лет мужчина, а за ним выпорхнула дама неопределённых лет. Одеты они были не по сезону. Мужчина был в смокинге, дама – в вечернем платье. Он – весь пепельно-седой, она – вся огненно-рыжая. Они проследовали мимо склонившегося в почтительном поклоне швейцара, услужливо распахнувшего перед ними стеклянные двери.

В центре холла остановились. Пока она демонстративно стряхивала с себя две снежинки, случайно застрявшие в её волосах, он подошёл к стойке администратора, чтобы получить ключи от номера.

– Bonjour!

– Bonsoir, – ответили ему.

– Je voudrais la clef de ma chambre.

– S'il vous plait.

Я сейчас вам всё переведу! Не беспокойтесь! Блесну «французским» с онлайн-переводчиком: Он говорит: «Здравствуйте!» Ему отвечают: «Добрый вечер!» Тогда он: «Дайте, пожалуйста, ключ от номера». А ему: «Пожалуйста!» Во как! В общем, поговорили.

Он прихватил положенные галантным дежурным ключи от номера и отошел в сторону. Остановился и снова вернулся к стойке.

– Avez – vous des messages pour moi?

– Есть ли для меня сообщения? – Поинтересовался он.

– Oui. – Ответили ему и протянули конверт.

– Merci.

Ну, «Мерси» все знают. Это – «Спасибо».

Он кивнул и подошёл к даме, на ходу запихивая конверт во внутренний карман.

Они прошли к лифту, который доставил их на самый высокий этаж в самый навороченный номер.

– Это было что-то, – заговорила по-русски она, когда они

оказались в номере, – такого успеха я даже сама не ожидала!

– Сара Бернар кусала бы локти, видя твой сегодняшний фурор, – подтвердил мужчина, – твоё мастерство, Кикочка, улучшается год от года. Ещё лет этак триста, и ты станешь замечательной артисткой.

Но вместо того, чтобы обидеться на эти грубые слова, дама нежно прильнула к мужчине и заворковала:

– Ты правду говоришь, Кузенька?

– Как твой импресарио – импресарио известной артистки Кики Морэ – я всегда обязан говорить правду, только правду и ничего, кроме правды.

Номер был шикарным. Апартаменты для президентов, для шейхов, королей и миллионеров. В окне красовалась Эйфелева башня – символ Франции и Парижа. Посередине номера возвышалась огромная гора цветов из нескольких корзин.

– Извини, Кикочка, – вдруг скривился он, – но терпеть более – нет сил.

Она засмеялась, игриво оттолкнула его, отошла в сторону и плюхнулась в кресло:

– Столько лет, а ничего не меняется!

– Ничего подобного, – он помахал пальчиком в знак протеста, – меняется среда обитания, – и снова заурчал, как чеширский Кот, – можно, Кикочка?

– Хорошо, – весело согласилась она, – всё равно завтра съезжаем отсюда.

Он, чрезмерно довольный разрешением, подошел к огромному камину, стал на четвереньки, засунул голову внутрь и... жалобно-жалобно завыл.

8

Этот вой был таким пронзительным, к тому же усиленный дымоходом, что моментально разнёсся по всему зданию.

9

В одном из номеров гостиницы с одной постоялицей от воя случился удар прямо в туалетной комнате. Услышав его, она подпрыгнула на унитазах, как реактивная ракета, проскочила через всю комнату и рухнула, словно «Челленджер» на взлёте, между ванной и биде.

10

Все посетители ресторана, находившегося на первом этаже отеля, замерли и с подозрением посмотрели в сторону кухни: «Неужели там из кого-то делают бифштекс. С кровью?» Один из них выронил вилку, которая со звоном полетела на пол. Второй с перепуга отбросил в сторону бокал, треснувший от резонанса, вызванного воем. Третий просто свалился со стула. У ресторанного певца нота застряла в горле, и он захлебнулся своим чудным тембром голоса. Официант выронил разнос, заставленный всякими блюдами.

11

Пешеходы, проходившие мимо отеля, как при воздушном налёте, повалились на землю и начали отползать подальше от гиблого места.

12

Дежурный администратор с перепуга нажал кнопку пожарной тревоги, чем ещё больше напугал перепуганных жильцов и прохожих.

13

Во всём отеле всё зазвенело, завывало. Противопожарная система включилась и начала заливать водой коридоры и номера. Все жильцы и работники отеля повалили прочь, сметая всех и вся, из здания на улицу. Некоторые начали выпрыгивать из окон.

14

И лишь в одном номере весело смеялись, глядя на эту картину: известная артистка Кика Морэ и её импресарио.

– А вот и скорая помощь пожаловала! – веселился Кузя.

15

И действительно: к парадному входу отеля с сиреной подскочила машина скорой медицинской помощи. Из неё выскочили санитары, схватили носилки и помчались внутрь

здания.

16

– Потом, как всегда, пожарные и полиция приедут, – вздохнула артистка.

Ей быстро надоела происходившая возня, и она отошла от окна к огромному букету цветов, погладила его, пытаясь обнять.

– Как они пахнут!

Среди сотен роз обнаружила визитку очередного поклонника, осторожно, чтобы не уколоться, извлекла её.

Маленький картонный четырёхугольник оказался не визиткой, как она подумала прежде, а посланием. На нём было всего лишь одно слово: «Пора!»

– Кузя, – ойкнула она, – смотри!

Мужчина, нехотя, оторвался от окна, подошёл к ней, взял из рук бумажку, прочёл. Торопливо достал из внутреннего кармана своего пиджака конверт, который получил у стойки администратора, нервно вскрыл его, выудив содержимое.

Это был листок с одним словом: «Пора!»

– И мне пришло, – растеряно сказал он и опустился в кресло, – пора возвращаться домой раньше, чем хотелось бы.

– Чего ты расстраиваешься, Кузьма, – тихо произнесла женщина, – зимой в России хорошо.

А это уже теплее. В некотором царстве, в некотором

17

Ханты-Мансийский округ. Где-то в тайге.

– ...А ещё говорят, что этот лесничий появляется всегда, будто из-под земли и под землю уходит, – рассказывал один мужик двум другим, сидящим рядом с ним у костра, странным личностям.

– Прямо Рэмбо какой-то, – скептически произнёс Второй.

– Брехня! – махнул рукой Третий.

Сидели они на небольшой полянке под старой березой. Вокруг был зимний лес, трещавший вверху заледенелыми голыми ветками.

– Вот истинный крест, – настаивал Первый, – Народ говорит, что этот самый лесничий столько нашего народа поизвёл, что и не сосчитать вовсе. Щёлкает нас – братков-охотников, как семечки.

– Терминатор, что ли? – иронично спросил Второй.

– Брехня всё это! – зевнул Третий.

– Брехня? Вот прошлым годом, говорят, – не унимался Первый, – пошли косою Гришка с хромым Васькой капканы на мелкую зверюшку ставить. Быстро управились – расставили. Как водиться после этого закусили хорошо и к вечеру домой пошли. Идут, значит, они по дорожке, глядь, а впереди...

– «Мёртвые с косами стоят и... тишина!» – закончил

за него Второй.

– Знамо дело: закусили прилично, вот хренотень всякая и видится, – продолжил Третий.

– Нет, – пропустил шпильку мимо ушей Первый, – впереди на дорожке все их капканы, те, что они целый день устанавливали, в рядочек лежат. Их дожидаются.

Второй и Третий недоверчиво переглянулись, но при-
молкли. А Первый, вдохновлённый этой победой, продол-
жил:

– Цельную ночь трудились – капканы изнова расставляли. К утру, уставши, закемарили. А когда проснулись, чуть ума не лишились: все их капканы вокруг них расставлены. Кру-
жочком. Да так плотно друг к дружке, что не пройти меж
них, не то, что проехать.

– Ну и что? – Хором спросили Второй и Третий.

– А то, – понизив голос, тихо сказал Первый, – что вый-
ти из круга капканьего они не могли. Только щелку, какую
приметят, только в неё направятся, а капканы, будто живые
на них, как собаки кусачие, кидаются. Цельных три дня и три
ночи они в этом плену просидели голодные и холодные, пока
их Служба спасения не нашла и не высвободила. С тех тор
хромой Васька – окосел, а косой Гришка – охромел. Они про
эту катавасию сразу же куда надо стукану... в общем, сооб-
щили, но никто им, бедолагам, не поверил.

– Чего ж? – Удивились Второй и Третий.

– А возле них десяток пустых бутылок из-под водки на-

шли. Будто кто-то специально их по всему лесу собрал и им подкинул. А они, горемычные, за трое суток и капли в рот не брали, всё, что с собой принесли, в первый же день уключали, а откуда эти бутылки взялись, знать не знали, и ведать не ведали. Вот потому никто и не поверил, хоть они божились и землю грызли.

– Мистика прямо, – сыронизировал Второй, – меньше пить нужно было!

– Брехня! – подвёл итог Третий.

– Во-во! Все так говорили. Брехня – брехнёй, не знаю, как вы, а я меры предосторожности принял, – снисходительно произнёс Первый, – а вы, как хотите.

– Какие – такие ещё меры? – Хмыкнул Второй.

– Известно какие, – хмыкнул и Третий – «Памперсы» на причинные места, вот какие!

И они весело загоготали.

– Всё! Хватит бодягу разводить. – Поднял пластмассовый стаканчик Второй. – Давайте по единой и домой, а то темнеет уже.

– За лесничего! – засмеялся Третий, – Чтобы он нас дорогой дорогой всегда обходил. Приличным людям жить и кормиться не мешал.

– За него – родимого! – Согласился Второй.

Первому ничего другого не оставалось, как присоединиться к двум приятелям. Выпили. Закусили рукавами. На морозе и такая закуска сгодится. Скомкали пустые ста-

канчики и зашвырнули их подальше в кусты. Оглянулись.

– Ё-кэ-лэ-мэ-нэ! – вдруг вырвалось у Второго, – а где мой сидор с добычею?

– И моего нету, – вставился Третий, – я его тут примостил, точно помню, а теперь гляжу: нету, как корова языкам слизала.

– Вот, – оглянулся, трусливо, по сторонам Первый, – кажись, и у нас началось!

– Что началось, придурок, – вспыхнул Второй, – ты нам всё это дерьмо специально втирал, чтобы добычу себе ухапнуть и на потусторонние силы спихнуть. Не выйдет, Коперфильд! Мы тоже не пальцем деланные.

– Ты куда моих белок дел? – пошел Третий с кулаками на Первого.

– Так и ружья куда-то заныкал, Кукрыникс! – Возмутился Второй.

– Отдай по-хорошему, – попросил Третий, – а то плохо будет.

– Братцы, – упал на колени Первый, – вот вам крест святой, не брал я, гадом буду.

На эти слова в зимнем небе вдруг произошло то, что происходит один раз в миллион лет: загремел гром. Второй и Третий от неожиданности вздрогнули и посмотрели вверх. Затем торопливо перекрестились. А когда опустили головы – Первого на месте не было. Был человек – и нет человека. Только обувь одна и осталась, да портки поношенные.

– Ё-пэ-рэ-сэ-тэ! – опять выразился Второй.

– Уполз змеёныш! – констатировал побег Третий.

И вправду, в кустах они заметили хвост какой-то гадины, вдруг выползшей посреди зимы на белый свет, и сейчас лихо улепётывающей в своё змеиное кубло.

– Его нужно догнать, – принял решение Второй.

– Как же это он голый-то? – Пожал плечами Третий.

– Чтоб сподручней ноги уносить было, – объяснил Второй.

– Ему ж холодно будет, – пожалел его Третий.

– Не замёрзнет, – успокоил его Второй, – он же всё время бежать собирается.

– Тогда: ты – направо, я – налево! – Предложил Третий.

– Идёт! – Согласился Второй.

– Разбежались?

Но разбежаться им не удалось. На поляну выскочил огромный медведь, преградив им дорогу. Он встал на дыбы и громко заревел.

– Шатун! – Вырвалось у Второго.

Они мгновенно оказались на дереве, возле которого слушали рассказы Первого. Медведь приковывал к березе, поднялся во весь рост, поточил огромные когти о ствол дерева, словно специально им показывал своё смертельное оружие, затем медленно обнюхал место, на котором они сидели до этого.

– Что, голубчики, попались? – услышали они, а затем уви-

дели выходящего из зарослей мужичка, – Вам же ясно было сказано, что в лес ходить опасно, а особенно браконьерствовать. Случайно нарваться на неприятности можно.

– Слышь, мужик, – взмолился Второй, сидя на ветке ниже Третьего, – это твой зверь?

– Не-а! – ответил тот, – Он сам по себе.

– Будь добр, отгони медведя, – попросился Третий, – Вижу, что он тебя уважает, и драть не будет. Отгони, мы заплатим.

– А я, мил человек, ему не указ. Сами просите. Если он деньги у вас примет, может и отпустит, а если нет, сидеть на ветках будете до весны, если досидите, конечно, при таком морозе, – Развернулся и пошёл прочь.

– Эй, ты, как там тебя, ты куда? – Запричитали горе-охотники.

– Как куда? Домой!

– Забери зверюгу, Ирод, – заорал Второй.

– Когда меня отсюда снимут, – зловеще зашипел Третий, – я тебя обязательно найду!

– А чего меня искать, – спокойно произнёс мужичек, – я всегда здесь. Лесником здешним работаю. А что до того, чтоб тебя оттуда сняли, так я очень и очень сомневаюсь. Здесь редко кто проходит. Кричи – не кричи: вёрст пятнадцать ни одна душа не услышит. Так что на дереве до весны куковать будете за дела ваши пакостные. Это моё последнее слово. Покедова.

И он пошел в гущу леса, оставив на полянке браконьеров, сидящих на дереве, у подножья которого удобно разместился медведь.

18

Выйдя на просеку, он достал из кармана мобильный телефон и набрал номер. Не сбавляя хода, продолжал идти и говорить по телефону:

– Макарыч, ещё два гаврика попались. На дереве сидят. На поляне, как к роднику идти. Пусть ещё часа два помёрзнут, а потом можешь их снимать. «Вещдоки» я сам занесу. Ну, бывай!

Он отключился и хотел сунуть телефон в карман, но тот гнусно пропищал, возвещая о сообщении. Лесничий остановился, пробежался пальцами по кнопкам, выуживая SMSку. На весь дисплей было одно слово: «Пора!»

Э! Как далеко нас закинуло! Сказка наша не у чёрта на куличках проходит, а чуток поближе...

19

Одесса. Ликеро-водочный завод

– А сейчас, чтобы вы не сомневались в том, что всё это по-настоящему, а не какой-то фокус-покус, мы завяжем нашему эксперту глаза, – бодро декламировала ведущая программы, – Яков Маркович Вассерман – дегустатор от Бога.

Второго такого вы больше днём с огнём нигде не найдете.

За длинным столом, на котором разместилось огромнейшее количество банок, склянок и бутылок, восседал толстенный лысенький человечек и с удовольствием выслушивал всё, что о нём говорили. Он, подтверждающее, кивал головою и старался не пропустить ни единого слова, как будто текст, который произносила ведущая, он знал наизусть и следил сейчас за тем, чтобы она ничего случайно не забыла.

– Не одна, а несколько солидных иностранных фирм хотели заполучить такого ценного специалиста, как Яков Маркович. Но он не поддался на их уговоры, не погнался за их длинным, поганим рублём, как некоторые. А остался верен нашей независимой стране, нашему любимому городу и нашему прославленному одесскому ликёро-водочному заводу, – и она повела рукой назад, словно открывала занавес, за которым зрительским взорам представляли огромные деревянные бочки с алкогольным богатством, светлые цеха с современным импортным оборудованием, одетые в чистые выглаженные спецовки трезвые работники предприятия.

– Он, как и его отец, Марк Яковлевич Вассерман, с честью несёт гордое звание винодела, водкодела и коньякодела.

Раздались жиденские аплодисменты. Жиденские потому, что в помещении, где проходило это действо, народа, было немного: кроме пафосной ведущей и дегустатора Вассермана, на небольшом расстоянии от стола в четырёх креслах, вальяжно развалившись, сидели четыре человека.

– Господа, – уже спокойнее произнесла ведущая, – после сеанса вы сами можете попробовать любой напиток, который производит наш прославленный завод. А сейчас приступим. Прошу вас, Яков Маркович!

Дегустатор поднялся, обошёл вокруг стола, поклонился и сел впереди на стул спиной к банкам-склянкам. Ведущая, как плохая ассистентка у великого иллюзиониста, театрально подняла вверх платок, который тщетно старалась незаметно вытащить из рукава, повертела им, как гимнастка, выполняющая вольную программу на олимпийских играх, подошла к Якову Марковичу и завязала ему глаза.

– Чтобы вы не обвинили меня в подтасовке, я попрошу одного из вас подойти к столу, налить на ваш выбор напитки, находящиеся на этом столе, в эти бокалы и предложить попробовать их нашему эксперту.

Сидящий с краю молодой человек бодренько поднялся, подскочил к столу, в надежде запутать, а потом разоблачить мошенников. Потёр руки и по-хозяйски стал рассматривать содержимое банок, склянок и бутылок: с чего бы начать? Потом, приняв решение, выставил вперед пузатый бокал, из середины вытащил длинную худющую бутылку, прочитал название и, хищно улыбнувшись, наполнил жидкостью треть бокала. Ведущая, снисходительно посмотрела за напрасными манипуляциями комбинатора-разливальщика, приняла бокал из его рук, торжественно прошествовала перед, сидящими в креслах, гостями и отдала его Якову Марковичу. По-

следний сначала носом вкусил аромат напитка, затем пригубил его, языком растирая по губам, и только тогда сделал глоток.

– «Мускат». Произведен в селе Шабо Одесской области в сентябре 1999 года.

Разливающий сверил ответ дегустатора с надписью на бутылке, удивился и кивнул в подтверждение сказанному. Выставил вперёд ещё один бокал, выудил ещё одну бутылку, на этот раз размером поменьше и объёмом побольше. Изучил этикетку и плеснул немного содержимого в ёмкость. Ведущая, хмыкнув, протянула руку, чтобы забрать бокал, но комбинатор, остановив её жестом, взял ещё две бутылки и, даже не читая того, что на них написано, долил бокал их содержимым до самых краёв. И только после этого с подчеркнутой любезностью разрешил ей передать эту гремучую смесь Якову Марковичу. На этот раз она прошла с бокалом перед гостями не так уверенно, как прежде, и передала его прославленному дегустатору с легкой тревогой. Со вторым напитком он проделал тот же ритуал, что и с первым. В этот раз он не сразу произнёс название напитка, находящегося в бокале. Он попробовал его ещё раз, чем расстроил и без того волнующуюся Ведущую. После третьей пробы Яков Маркович покачал головой из стороны в сторону.

– Я, конечно, у всех прошу прощения, но какой болван сотворил этот безумный коктейль? Здесь он намешал три разных напитка: трехлетний коньяк «Таврия» из Каховки, пя-

тилетний коньяк «Белый аист» из Молдавии и восьмилетний коньяк «Коктебель» из Крыма. Сами по себе они замечательные, а вот вместе представляют собой средство по борьбе с клопами.

Новоявленный бармен, принялся исследовать этикетки всех трёх бутылок. И снова получил полное подтверждение всем словам эксперта. Но на этом он не успокоился. Он выставил последний пустой бокал вперёд. Затем залез к себе в карман и достал маленькую пластмассовую пол-литровую бутылочку, по этикетке которой содержимым бутылки значилась сильногазированная целебная минеральная вода «Куяльник». Он открыл бутылку, сделал из неё несколько глотков, победно, вылил остатки воды в бокал и передал его лично Якову Марковичу, демонстративно проделав весь путь, который проходила до него Ведущая. Старый, битый жизнью, дегустатор в этот раз не проводил ритуала, а сразу же, отхлебнув чуток жидкости, произнёс:

– Вода обыкновенная. Из центрального водопровода города Одессы. Если точнее: забор воды был произведен из крана на пересечении улиц Соляная и Раздольная в районе Куяльницкого лимана недалеко от грязелечебницы имени Пирогова три дня назад.

Затем понюхал её и добавил:

– Очищенная. А так бы воняла ещё и рыбой. Пить её не рекомендуется. Много соли и незапланированных фекалий. Как сюда попала эта гадость?

Глаза комбинатора вылезли из орбит. Он с ужасом посмотрел на бутылку, из которой он только что пил. Все остальные присутствующие громко расхохотались.

– По-моему, достаточно, – поднялся один из них, сидевший посередине, – Я думаю, что выражу общее мнение, если скажу, что нам очень понравилась презентация вашего завода. Большое спасибо, лично дорогому гендиректору Якову Марковичу, который доставил нам истинное удовольствие увидеть и это замечательное представление.

Они снова вяло поаплодировали.

– А что касается вашего предложения, я думаю, оно нам подходит. Я не знаю, как поступят мои партнёры, но я готов вложить свои деньги в развитие вашего завода и развития нашего совместного бизнеса.

Яков Маркович, успев сдернуть с глаз платок, уже стоял рядом с говорившим.

– Так, может, сразу и договорчик подпишем, – предложил он, – чего тянуть кота за хвост.

– Яков Маркович – вы замечательный деловой человек, – продолжил сидевший сбоку, – которого я знаю много лет и готов сотрудничать, не раздумывая, но вот ваше высокое руководство непредсказуемо. Я уже вложил деньги, и не малые, сначала в зерно. Потом пришли ко мне от Крамчука и сказали, что это их бизнес. Тогда я вложил средства в топливо. И снова ко мне пришли, но на этот раз от Бучмы. Потом приходили от Ященко и Юнуковича. Сейчас никого

из них нет, но нет и денег. Я боюсь, что когда я вложу деньги в ваш бизнес, придет кто-то от нового президента. И я снова окажусь на бобах.

– Давайте делать бизнес, как его делают на Украине, – предложил Яков Маркович.

– Интересно как? – оживился тот, который сидел посередине.

– Найдем нужного нам кандидата, вложим деньги в агитацию, – начал объяснять старый одессит, – и, когда он станет президентом, получим лоббирование наших интересов.

– А если мы проиграем?

– Это не возможно.

– Ну, все-таки? – Не унимался джентльмен, сидевший сбоку.

– Пойдем в оппозицию. Она тоже неплохо кормится из государственной кормушки.

– Дайте мне подумать? – Сдался первый инвестор.

– Хорошо, – согласился Яков Маркович, – Подумайте. Только не долго, а то на наши активы уже голодные днепропетровские бизнесмены заглядываются. Вам двух дней хватит?

– Хватит, – согласился четвёртый, который до этого всё время молчал.

– Ну, вот и ладненько, – обрадовался дегустатор, – тогда до послезавтра.

Они пожали друг другу руки и направились к выходу.

20

Яков Маркович проводил их к машинам. Каждого усадил, вежливо попрощавшись. Каждого отправил. А когда остался один, облегченно вздохнул и, устало, поплёлся в административное здание.

21

В приёмной, на двери которой висела скромная табличка: «Генеральный директор завода Вассерман Яков Маркович», его уже дожидалась ведущая, она же была его секретаршей и первой помощницей.

– Ну, как я? – весело подмигнул он ей, – есть ещё порох в пороховницах?

– Есть! – подтвердила она.

– Как думаешь, подпишутся они или нет?

– А куда они денутся! Доказано, что политика – самый выгодный бизнес в Украине.

– Неужели?

– Просто другого бизнеса у нас в государстве нет уже давно.

– Если подпишутся, здорово будет, – задумчиво произнёс он, – а то совсем скверно. Конкуренты нас окончательно в угол загонят. Ну, я пойду. На сегодня хватит. Устал я.

– Яков Маркович, – вдруг всполошилась ведущая, – совсем забыла: вам телефонограмма пришла. Срочная.

– Читай!

И она прочла:

– «Пора!»

Он замер. Она увидела, как посинело его лицо.

– Яков Маркович, что случилось? – испугалась она, – Ревизия? Налоговая?

– Хуже, – удрученно ответил он, – от «налоговой» откупиться можно, а от этого – нет.

Вассерман вздохнул и направился в свой кабинет. Отдохнуть ему не удалось.

22

В кабинете он, предварительно плотно прикрыв за собой дверь, подошёл к аквариуму, стоящему на отдельном столике у окна. Снова вздохнул, измучено улыбнулся и засунул голову в воду.

Опять промахнулись с местом. Так мы никогда не начнём! Напекаю! В самом центре некоторого царства, в самой серёдке некоторого государства...

23

Москва. Частная квартира в Сокольниках

Вот теперь другое дело, а то мечемся из стороны в сторону, а попасть куда надо, никак не можем!

А Москва – это другое дело!

– Вот теперь другое дело. Продуктов у нас с тобой, Василий, на неделю хватит. Всю пенсию на них положила. – Вдыхала старушка, выкладывая на кухонный стол из сумки только что принесенные продукты, – за коммунальные услуги заплатила, за свет, за воду тоже содрали. И нет её, пенсии. Одна радость, что в Новый год идем мы с тобой без долгов.

Она взглянула на чёрного упитанного кота, который сидел на подоконнике и сосредоточенно вылизывал себе то, что всегда вылизано у них до блеска. Она обращалась к нему, ища поддержку, будто он сразу же начнёт кивать ей в ответ головой, и будет искренне сочувствовать её проблемам, которые сводятся к одной единственной, но самой главной, называемой простым словом: одиночество. И дело, конечно, не в количестве денег, которые она получает раз в месяц, не в плохом правительстве и президенте, которых она поносит изо дня в день, а дело именно в том, что ей не с кем поговорить. Вот потому она обращалась к коту – единственному живому существу, обитавшему вместе с ней в этой маленькой однокомнатной квартире. Он жил с ней давно, мирно и дружно. Исправно пожирал всё, что она ему готовила, и интеллигентно ходил справлять нужду исключительно в унитаз.

– Сейчас сварю сосиски, и мы будем с тобой кушать. – Обрадовала она кота, на что последний даже ухом не повёл.

Кроме сосисок у бедной пенсионерки на столе лежали: свежие помидорчики и огурчики, вязка бананов, ананас, тоненько порезанные сырокопчёная колбаска и твёрдый сыр, кусочек торта, куриные ножки, ещё какие-то пакетики и свёрточки, содержимое которых нам не разглядеть из-за плотности упаковки. Такой набор продуктов предвещал в ближайшем будущем праздник. И он, конечно, приближался семимильными шагами. Праздник со звоном курантов, с «Шампанским», с салютом и пением песенки «В лесу родилась ёлочка». Это праздник – Новый год, о котором не дают забыть ни висящие на всех улицах транспаранты с поздравлениями «Удачи!», «Счастья», «Здоровья», «Благополучия», ни светящаяся разноцветными огнями иллюминация, изображающая всевозможные снежинки, ёлочки и звёздочки, ни программы телевидения, которые ежеминутно напоминают нам о приближении этого знаменательного события.

В кухне на холодильнике у бедной старушки стоял маленький телевизор, который выключался лишь тогда, когда они укладывались спать. Даже когда она куда-нибудь уходила, она всегда оставляла его включенным, чтобы не было скучно её любимому коту. Сейчас по телевизору передавали «Новости», в которых диктор чётко и доходчиво сообщал о предновогоднем саммите руководителей стран большой восьмёрки в городе Санкт-Петербурге, где будут подписаны самые важные документы этого десятилетия:

– На предновогоднем саммите, который будет проходить в городе Санкт-Петербурге, где соберутся руководители стран «большой восьмёрки», будут подписаны самые важные документы этого десятилетия. Американцы опять обещают сразу же после нового года демонтировать в Польше и Румынии систему ПРО. Из Литвы и Эстонии вывести войска НАТО, а в Латвии возместить России ущерб от первой социалистической революции, которую совершили почти сто лет назад под руководством Ленина латышские стрелки. Руководители этих держав будут настоятельно рекомендовать Англии не выходить из Евросоюза, а Молдавии объявить о суверенитете Гагаузии и Приднестровья из-за того, что те отказываются от Европейского выбора, Армении и Азербайджану подписать соглашение по Нагорному Карабаху. Также они будут рекомендовать президенту Америки вывести свой флот с Черного моря, который доставил гуманитарные грузы в Грузию и забыл оттуда вернуться.

Эта информация не заинтересовала ни старушку, ни кота. Их не взволновала ни эта встреча, ни эти исторические документы. Каждый из них продолжал заниматься своим делом. Она – выкладывать продукты, он – вылизывать все места.

В коридоре громко зазвенел входной звонок. Старушка остановила бесконечную выемку покупок из сумки и посмотрела в сторону входной двери.

– Кто это? – спросила она кота, будто он мог ответить, – мы с тобой сегодня никого не ждём.

Но всё-таки пошла открывать. У двери остановилась и подозрительно поинтересовалась:

– Кто там?

– Телеграмма! – услышала в ответ.

– От кого? – снова спросила старушка.

– Не знаю, – ответили ей из-за двери, – я чужих телеграмм не читаю.

– А вы прочитайте, – разрешила старушка.

– Не буду, – твердо сказали ей с той стороны.

– Почему?

– Дело принципа. Мне сказали не читать, вот и не читаю.

Повисла пауза.

– Так вы будете телеграмму получать или нет? – не выдержал курьер.

– А вы её под дверь положите, а я потом её без вас заберу.

– Да! А кто расписываться за неё будет? Она же с уведомлением.

Снова образовалась пауза. На этот раз нарушила её старушка.

– Я вас боюсь.

– Чего меня бояться? – спросили с той стороны.

– А вдруг вы меня насиловать будете.

– Ну, это вы загнули, бабулька. Вам уже столько лет, а в сказки до сих пор верите. Уже таких добрых молодцев нет, чтоб на вас позарились.

– Ну, тогда убьёте меня. И все деньги в доме заберете, –

не сдавалась старушка.

– А они у вас есть, деньги-то? Перед Новым годом, наверняка, все потратили.

– Правильно, потратила.

– Ну, вот видите!

– Хорошо, – согласилась она, – только вы отойдите подалее от двери.

– Пожалуйста!

Она отодвинула единственную щеколду на картонной двери и выглянула на лестничную площадку, посередине которой стоял дедина, очень похожий на того, что приезжал к Соловьёву – молодец из ларца.

– Где телеграмма? – спросила она.

– Вот. Получите и распишитесь, – произнёс он и протянул ей бумажку.

Она раскрыла её, прочла и удивлённо посмотрела на почтальона.

– Но здесь... Я ничего не понимаю. Вы, наверное, ошиблись адресом, молодой человек. Я думала, что здесь новогоднее поздравление, а тут... Скажите, кому вы должны её вручить?

– Кому-кому? Мне! – услышала она за спиной.

Вначале она ничего не поняла, но потом, когда до неё дошло, что в квартире кроме неё говорить некому, она повернулась на сто восемьдесят градусов и осмотрелась. В дверном кухонном проёме сидел её чёрный кот Васька и облизывал

вал заднюю ногу.

– Извините меня, молодой человек, – она снова повернулась к почтальону, – я себя не очень хорошо чувствую. Вам известен адрес того, кому вы должны вручить эту телеграмму?

– Ну, я же тебе сказал, карга старая, что мне, – снова услышала она за спиной.

Словно желая поймать с поличным того, кто сейчас разыгрывает её, она лихо повернулась назад и снова никого не увидела. Она растерялась. Кот, прекратив заниматься привычным делом: облизываться, прошелся по коридору. Вышел на освещенный участок, остановился, важно сел, словно копилка, посмотрел в глаза своей хозяйке и тихо произнес:

– Ну, что ты уставилась, как баран на новые ворота? Это я тебе говорю: Телеграмма мне.

Старушка, как подкошенная, свалилась без сознания. А по телевизору диктор продолжал радовать народ новогодними новостями:

– По прогнозам аналитиков в ближайшее время ожидается резкое снижение курса доллара, потому что Россия, наконец, переходит на рублёвую форму расчёта. Её поддерживали Китай и Индия. Они решили совместно создать банк в противовес всемирному банку, в которой господствует американский доллар. В связи с этим ряд зарубежных банков уже объявили о своём банкротстве. Радует тот факт, что этот экономический коллапс затронет Россию не так скоро, как на-

ших соседей. Мы успеем подготовиться. Видными российскими учёными уже разработана антикризисная программа, которая в ближайшее время вводиться в действие. Будем надеяться, что мы не пострадаем.

А что дальше будет? У-у-у! Это только начало!

24

Санкт-Петербург. Частная клиника

Большая стрелка часов передвинулась на цифру «12», внутри них что-то щелкнуло и дверцы домика, над которыми висела надпись «Аптека», открылись, выпустив кукушку, сидящую на жердочке и одетую в белый медицинский халат. На белой шапочке у неё красовался красный крест.

– Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! – прокуковала три раза она и скрылась в домике.

– Да. Это только начало, – сказал, стоящий во главе стола, высокий худой джентльмен, одетый в белоснежный докторский халат и шапочку, – а что дальше будет, так это будет зависеть только от нас.

Перед ним за столом сидели все наши знакомцы: Соловьёв, Акулина Ивановна, Кики Морэ с импресарио Кузьмой, Лесничий и Яков Маркович Вассерман. По столу лениво, подняв хвост трубой, разгуливал кот.

Кажется, начали! Теперь, наконец, нам станет яс-

но, что за странная компания собралась за этим столом. И что же объединяет их, совершенно разных, личностей?

– Хватит прятаться по углам. Мы долго молчали, – продолжал джентльмен, – сегодня создалась подходящая обстановка, когда пришла пора заявить о себе, как о силе, с которой нужно считаться.

– А стоит ли? – поинтересовался Лесничий, – нам и так жилось неплохо.

– Тебе может и неплохо, Леший, – перебил его кот, – а мне не очень. Я ведь – кот Баюн, а меня вшивым Васькой постоянно называют. Обидно! Досадно! Но самое главное, что мне всю жизнь молчать приходилось, а я рожден, чтобы баять! Стихи читать – высокую поэзию декламировать! Нести в массы культурное наследие. Сеять разумное и вечное. Всё! Хватит! Надоело! Говорить хочу! Свободу слову! Долой цензуру!

– Жакрой рот, – рявкнул рецидивист Соловьёв, – и так голова от швободы едет...

– Во-первых: у меня не рот, а пасть, как все уже успели заметить, кроме тебя, конечно. А во-вторых...

– Жакрой пасть, – продолжил Соловьёв, – а то голову оторву.

– Кощей, – закричал кот, – успокой этого бандюгу, а то я за себя не ручаюсь!

Баюн нервно задёргал хвостом, выставил длинные острые когти напоказ и приготовился к прыжку.

– Брысь! – громко выкрикнул джентльмен, – ещё одно слово, и я посажу тебя на цепь.

– А это удар ниже пояса, – возмутился кот.

– Нишего, – успокоил его Соловьёв, – походишь на шепи вокруг дуба, шкажки порашкаживаешь, легше штанет.

Кот глубоко вздохнул и недовольно отошел на край стола. Там он сел и тихонько начал облизывать лапу, то и дело демонстративно выпуская когти.

– Кто ещё хочет высказаться? – предложил джентльмен.

Из-за стола поднялась актриса Кика Морэ.

– Кошенька, я не поняла, что нам предстоит делать? Если это что-то противозаконное – я не волнуюсь. Не впервые такими делами заниматься приходится. Но если это займёт много времени – я сразу отказываюсь. У меня катастрофически его нет. Понимаешь, сейчас самое время для работы. Новый год. Все артисты, без исключения, «морозят».

– Что делают? – удивился Кощей.

– Ну, становятся Снегурочками, дедами Морозами, – начала объяснять Кики.

– Ой, не могу! – Снова не выдержал кот, – Кузя, как я понимаю, у нас – дед Мороз, а ты – ой, сейчас помру! – И он затрясся от смеха, – Красавица Снегурочка! Это же надо! Детки под ёлочкой песенку поют:

«У нас сегодня Дед Мороз

По-пьяне школу всю разнёс.

За этот дедушкин каприз

Снегурка делает стриптиз.

Ля-ля-ля! Ля-ля-ля!

Завтра сделает на «Бис!»

Он повалился на спину и задрыгал всеми четырьмя ногами.

– А что такое? – наивно повела плечиками Кикимора, – Некоторые и замуж в моём возрасте выходят.

От этих слов у кота началась истерика.

– Замуж? Ой, умора! Это ж любой жених тебе пра- пра- пра- пра- внучком будет. Если вдруг ненароком узнает: сколько тебе лет, с ним удар случится!

Он уже икал от смеха.

– Кошенька, – надула губки Кикимора, – скажи ему, чтобы он прекратил издеваться, а то я обижусь. А вы чего молчите, – обратилась она ко всем присутствующим за столом, – вашу сестричку обижают, а вы не вступаетесь?

– Какой Дед Мороз? Какая Снегурочка? – наконец, возмутился Кощей – джентльмен в медицинском халате, – Что вы мне здесь комедию разыгрываете? Я не прошу вас в этом участвовать, я вам приказываю. Вы что, не поняли меня? Кто не со мной, тот против меня, а с предателями у меня разговор короткий: на операционный стол. Потом, для вида, в реанимацию, а затем в морг. Я даже мумии из вас делать не буду. Отпоют в часовенке и по ветру развеют.

Кикимора от ужаса плюхнулась на стул, как рыба, шевеля губами. Все замолчали.

– Я вас вызвал для того, чтобы выдать каждому из вас задание, а не спрашивать у вас, хотите ли вы его выполнять или нет. Будете выполнять. Куда вы денетесь.

– Я готов к труду и обороне, – заявил Соловьёв, – только жубы мне нужно вштавить. Беж жубов, какой же я шоловей-ражбойник? Калека – одно слово.

– Вставим! – пообещал Кощей. – У меня в клинике классные специалисты найдутся. Сразу же после совещания и пойдем вставлять. Керамические! Ещё вопросы?

– Что делать будем? – Спросил Яков Маркович, до этого, молча, наблюдавший за всем происходящим. – Обрисуйте, пожалуйста, перспективку, хотя бы в общих чертах.

– Зачем же в «общих», Водяной? – улыбнулся Кощей. – Можно и в деталях. Вы знаете, что во всём мире создалась напряженная обстановка, вызванная экономическим кризисом. Кроме того, наконец, Тбилиси расшевелил муравейник, который не решались трогать долгие годы. Я имею в виду его военные действия против Цхинвали. Я ожидаю в ближайшее время взрыва агрессии на территории Приднестровья и Нагорного Карабаха. На Украине уже коричневые голову подняли. Скоро, совсем скоро они себя покажут во всей красе. Западная Украина собирается отделяться. Далее наружу вылезет крымский территориальный конфликт. Для нашего появления созрела исключительно благоприятная обстановка.

Нам необходимо немного: подбросить дровишек в этот разгорающийся военный костёр.

Все, молча, слушали. Кот, облизывая переднюю лапу. Соловей-разбойник, рисуя какие-то каракули в записной книжке. Кикимора, морща лобик, пыталась понять, о чём вообще идёт речь на этом заседании. Кузьма водил пальцем по столу. Леший сосредоточенно сопел. Баба Яга, откинувшись на спинку стула, застыла, как изваяние и не шевелилась. Водяной, не заметно ото всех, вынул из кармана жевательную резинку. Развернул её и отправил в рот. Обёртку скомкал и сунул в карман Соловью-разбойнику. А Кощей продолжал:

– Ни для кого не секрет, что перед Новым годом в городе Санкт-Петербурге собираются лидеры стран большой восьмёрки.

– Кто шобираетшя? – с неподдельным интересом вдруг спросил Соловей-разбойник.

Кощей снисходительно посмотрел на разбойника сверху вниз и сказал:

– Тебе не всё равно, Соловушка?

– Не-а, – замотал тот головой, – Я на вшех политинформациях в жоне пришутштвовал. Коншпекты коншпектировал. Меня жа это даже к дошрошному ошвобождению представляли, но не выпустили. Шказали, што я недоштаточно политищешки подкованный. На што я им ответил, што я пщиша швободная, а не какой-то мерин сивый, штоб меня подковывать... Не поняли они, што я такое шказал, очень

обиделишь и не отпустили.

– Пусть он заткнётся! – возмутился кот, – Кто из нас Баюн: я или он? Я, как сволочь, молчал целую тысячу лет и сейчас молчу, а он триндит не замолкая! Где справедливость?

– Ещё наговоришься, – успокоил его Кощей, – всем работы хватит.

– Ну, тогда другое дело, – промурчал довольный кот и разлегся вдоль стола.

– Мы заявим о себе на весь мир! И президенты самых крупных стран мира нам в этом помогут, – сообщил Кощей.

– Мы что, в компанию президентов попадем? – вскочила Кикимора, – Здорово! Можно я потом во всех интервью буду говорить о встрече с ними? Сдохнуть можно! Кошенька, мы с Кузей согласны.

– Нет! Никаких интервью не будет, – грозно произнёс Кощей, – мы их возьмём в заложники, а потом уничтожим. Мы не дадим им возможности договориться. А поодиночке им с кризисом не справиться.

Повисла пауза. Каждый переваривал услышанное только что. Кот продолжал валяться на столе, нервно подёргивая хвостом. Соловей-разбойник изумленно смотрел на Кощея. Кикимора, непонимающе моргала глазками, поворачиваясь то к Кощею, то к Кузе. Кузьма, уставившись взглядом в стол, пальцем тёр кончик носа. Леший чесал, задумчиво, затылок. Акулина Ивановна пыталась что-то сказать, но всё не решалась. Водяной сосредоточенно выдувал изо рта большой вод-

ный пузырь, как выдувают пузыри из жевательной резинки. Кощей, ожидающе, обвел взглядом всех присутствующих.

С громким хлопком взорвался пузырь, раздутый до предела. От неожиданности все подпрыгнули. И лишь одна Акулина Ивановна, подпрыгнув, осталась стоять и торопливо заговорила:

– Ты, Кощей, по-моему, умом тронулся. Тебе что, плохо живётся? Смотри, какую клинику отгрохал! Работай себе для своего удовольствия. Тебе что, славы захотелось? Так она у тебя и так имеется. Клинику твою все знают. Со всего света к тебе за лечением едут. За много месяцев вперед записываются. Денежки не ручьем, а речкою в твой карман текут. Чего тебе ещё не хватает?

– А то, что нас забывать стали, – зло прошипел он, – дети на вообще не знают. У них теперь новые герои. Зомби и гоблины. Скоро деда Мороза на Санту заменят. Посмотрите телевизор, почитайте книги: нас нигде нет!

– И для этого тебе столько народа изводить нужно? – Всплеснула руками Акулина Ивановна, – Дурак ты!

Кощей подскочил к ней.

– Ты, баба Яга говори, да не заговаривайся. Я сказал: тому быть! Значит, тому не миновать.

Но баба Яга не испугалась. Она, смело, взяла за грудки Кощея Бессмертного и затрепыхала его впереди себя, как грушу:

– А ты меня не пужай – не такие пужали. Не боюсь я тебя,

Ирод. Отбоялась. И запомни: все твои козни поломаю. Все твои пакости присеку. Такое моё слово. Всё! Наслушалась. Надоела мне твоя компания. Ухожу я.

И она решительно пошла к двери. Возле неё остановилась, повернулась ко всем и спросила:

– Кто со мной?

Кот повёл в её сторону ухом, но продолжал валяться на столе. Соловей-разбойник улыбнулся беззубым ртом и преданно посмотрел на Кощея.

– Ишпепели её, Кощеюшка!

Кикимора снова заморгала глазками, повернулась сначала к Кощею, потом к Кузьме. А Кузя, хлопнув руками по коленкам, встал, потянулся и пошел к бабе Яге:

– Я в такие игры не играю. Война – это, прежде всего разрушение, а я не люблю, когда из домов – руины делают. Где же тогда домовая жить будет, если дома не будет? Извини, Кощей, бывай с миром.

– Я тоже пойду, – присоединился к ним Леший, – в лесу каждую животинушку берёг, а тут кого-то изводить предлагают. Нет! Не по-людски всё это.

– Так ты ж и не человек вовсе, – заорал Кощей, – что ты несёшь, Леший!

– Тебе не понять, Кощей, – вступился за Лешего Водяной, – он среди людей потёрся, хоть и в лесу всё время жил, вот от них и набрался. А ты, видать, больше по моргам ошился. Там человеческому не научишься. Акулина Иванов-

на, я тоже с тобою.

– А как же я? – Вдруг вскочила Кикимора, – Кузя? Я не могу без тебя! Не покидай меня. Я пропаду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.